

Позднэвизантийское общество имело за плечами груз тысячелетних традиций, влияние которых было особенно ощутимым именно в сфере политической мысли. Стремление государственной власти укрепить те из элементов сформировавшейся в предшествующие века политической концепции, которые способствовали стабилизации общества, приобретало чрезвычайное значение в новых условиях. Уже падение Константинополя в 1204 г. развеяло миф о сакральности столицы империи; была свежа память о латинском владычестве, унизившем достоинство гордых ромеев, угнетала постоянно маячившая на Востоке угроза сокрушительного турецкого нашествия. Институированный в законах и церемониале, закрепленный в литературном и художественном творчестве исторический и социальный опыт прошлого формировал тот пласт духовной культуры общества, который можно назвать политической культурой. Новые веяния в общественно-политических и экономических воззрениях позднэвизантийских философов рождались в диалектическом противоборстве со старым. На пути нового стоял византийский консерватизм: сознание даже наиболее последовательных византийских мыслителей отягощалось пережитками старой имперской идеологии. Несмотря на то что в последние два века существования Византийской империи уже не было реальной почвы для сохранения имперской идеи, несмотря на появление и постепенное утверждение концепции неозелинизма как закономерного исторического феномена, идея вселенской империи и вселенского императора продолжала вплоть до самого конца Византии владеть умами византийцев как в области реальной политики¹ так и в сфере теоретических изысканий².

Во множестве трактатов, речей, писем деятелей византийской культуры отражено общее для византийской политической идеологии того времени отношение к василевсу как подражанию Бога, солнцу, вечности, как правителю, имеющему силу живого закона и обязанному заботиться о своих подданных³. Утверждение тезиса о божественном происхождении императорской власти характерно для сочинений позднэвизантийского времени, когда усиливалось воздействие религии на все формы общественной {255} жизни. Хранителем божественных законов считал монарха Феодор Метохит (*Theod. Metoch. Misc.* 625). Николай Кавасила утверждал, что правитель во всем должен следовать богу и божественным законам (*Cabas. Paneg.* P. 119. 30—32). В энкомии Матфею Кантакузину, написанном в связи с его коронацией в качестве соправителя Иоанна VI Кантакузина, Николай Кавасила делал акцент на мысли о вручении Матфею власти самим Богом (*Ibid.* P. 116. 29—31). Христианский тезис о божественном происхождении императорской власти отражен в сочинениях Димитрия Кидониса, прежде всего в его письмах Иоанну Кантакузину (*Cydon. Congresp. Ep.* N 6, 5—6, 12—16; N 7, 1, 50 etc.). Идея божественности власти василевса содержится и в официальных документах позднэвизантийского времени. Преамбулы к хрисовулам Иоанна V Палеолога утверждают тезис об императорской власти как источнике божественных законов, применяемых ею в управлении человеческими делами⁴.

Идеал императора и в позднэвизантийское время менялся в рамках римского набора нравственных ценностей (справедливость, благоразумие, мудрость, мужество — δικαιοσύνη, σωφροσύνη, σοφία, ἀνδρεία)⁵, дополненного созвучными христианству добродетелями (человеколюбием и благочестием — φιλανθρωπία, ευσεβεία). Однако, несмотря на традиционную формулу, отражавшую один из важнейших тезисов, характерных для политической идеологии той эпохи, — тезис личности государя, отбор и акцентировка отдельных качеств для образа идеального василевса были разными у различных представителей общественной мысли того времени. Чем ниже была ступень общественной лестницы, которую занимал писатель, тем более земными являлись его запросы в отношении свойств, которые, по его мнению, необходимы императору. Учитель и землемер Алексей Макремволит, занимавший значительно более скромное положение, чем его коллеги по перу, считал определяющей чертой в образе наилуч-

¹ Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33. С. 129—139.

² Beck H.-G. Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat // Ideen und Realitäten in Byzanz. L., 1972. N VI.

³ Hunger H. Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.

⁴ Vier Prooimien zu Kaiserurkunden, verfaßt von Demetrios Kydones / Edition; Textparaphrase und Kommentar von F. Tinnefeld // BS. 1983. Т. XLIV, fasc. 1. P. 13—30; fasc. 2. P. 178—195.

⁵ Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. Т. 4. С. 9—33.